К ЧИТАТЕЛЮ

Идея настоящей книги состоит в поиске и описании оснований и предпосылок правовых трансформаций в эпоху технологических прорывов, наблюдаемых в первой четверти XXI века. Для этого важно понимать масштаб и содержание изменений самих регулируемых правом общественных отношения как его объекта. Это объясняет необходимость использования междисциплинарного ключа исследования и недостаточность только правового анализа. Только на этой основе возможно строить правовое регулирование многогранных общественных отношений в сфере использования технологий.

Разрешение поставленного вопроса необходимо для адекватной интерпретации правом объекта правового регулирования, понимании роли правоотношений в новых условиях технологического развития. Не может не озадачивать положение, когда право, как гуманитарная наука либо отрицает новую технологическую реальность, либо представляет ее в нереалистичном и искаженном виде, теряя связь с рисками, вызовами технологической реальности. Оба эти состояния делают право нечувствительным к изменяющейся действительности, что в конечном счете предопределяет его неэффективность и неадекватность. Уровень дискуссии среди юристов показывает, что правовые прогнозы и решения чаще всего не основаны на знании реального положения развития технологий, поспешны и малообоснованны, что видно на примере затянувшейся дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта, абсурдных идей о полной автоматизации правосудия и государственных услуг, цифровой торговли; в этом же ряду стоят идеи об отмирании основных категорий права (юрисдикция, юридическая ответственность, обязательства и сделки, вещные и интеллектуальные права и т.д.). В своих регуляторных решениях право должно оперировать достоверными данными о возможностях и рисках использования технологий в самых разных сферах общественной жизни и выяснение этого вопроса является наипервейшей необходимостью. Вопрос о форме и содержании выражения правовых средств и инструментов определяется достоверным знанием об объекте правового регули-

рования, то есть о состоянии регулируемых правом общественных отношений, а не может быть решен обособленно юридическим мировоззрением, ограниченным собственными категориями.

Произошедшие изменения в технологической сфере в рассматриваемом периоде столь грандиозны и существенны, что с распространением и постоянным совершенствованием современных технологий коренным образом изменилось состояние самого общества и отношений в нем. С нелинейным ростом технологий и их бесконтрольным использованием впору говорить, если не о технологизации общества, то об изменении способа общественного производства, для которого востребованы новые правовые решения, обеспечивающие безопасность, технологическую нейтральность и недискриминацию, верховенство права, правопорядок, действенность структур государственной власти в цифровом пространстве. Достаточность и полезность косметических правовых решений (например, в части регламентации криптовалют, смарт контрактов, цифровых собраний и др.) вызывают сомнения, поскольку все перечисленные предметы правового регулирования не существуют сами по себе, являясь компонентами качественно новой единой регуляторной среды, для которой требуется новое законодательство о цифровом гражданском обороте, цифровых рынках, криптобезопасности и т.д. Требуется осмысленное и квалифицированное правовое сопровождение текущего неотвратимого технологического роста во избежание исчерпания зоны приватности лица, появлении новых форм цифрового рабства (нейропрограмирование, сбор негосударственных массивов данных о частных лицах и их последующая противоправная коммерционализация), утраты суверенитета публичной властью в отношении обеспечения законности и правопорядка в сфере осуществления цифровых транзакций.

Для юриста бессодержательно определение происходящих технологических преобразований в обществе через констатацию смены технологических укладов, вихрь технологических революций, поскольку такой декларативный подход не может подсказать четких регуляторных решений, в то время как необходимо достоверное понимание потребности и проблемы развития общественных отношений, регулируемых правом.

В условиях новой технологической реальности правовые решения должны строиться на понимании возможностей и рисков использования технологий в жизни человека и общества, концентрируясь на разрешении социальных конфликтов, несправедливости, предупреждении новых форм эксплуатации человека отдельными технологически

господствующими классами. На примере российской экономики капитализма в условиях технологического прогресса возможно наблюдать новый классовый антагонизм и социальную дифференциацию, создающих условия для обеспечения правовых гарантий и свобод только избранным.

Искусственный интеллект не является единственным из драйверов цифровой экономики, как и ключевой технологией, обеспечивающей конкуренцию юрисдикций, технологический рост и т.д в цифровом обществе. Век технологического рассвета предрешает конкуренцию технологий и адекватные правовые решения с этим связанные, круг обсуждаемых вопросов, очевидно не должен сводиться только к искусственному интеллекту. Сегодня предметом регулирования стали не отдельные технологические объекты, а автоматизированные системы, способные оперировать большими объемами данных и задействованные в самых разных сферах деятельности. Право должно не просто освоить новые технологии, а вмонтировать их в ткань общественных отношений с соблюдением прав человека, интересов государства, уравновешивания интересов пользователей и разработчиков. Право и логика общественного развития в контексте цифрового общества стоит перед неразрешенной дилеммой: «на ранней стадии развития технологии ее последствия неизвестны, но регулирование осуществимо; на поздней стадии последствия известны, но технология уже укоренена и регулирование уже является второстепенным, а построение новой системы регулирования заново становится дорогостоящим или невозможным[1]. Возможно только отметить нарастающий разрыв между изменением правового регулирования и технологическим развитием, скорость реакции права минимальна и это обусловливает отставание, на которое есть и объективные причины, поскольку изменение технологической среды опережает изменение регулируемых общественных отношений, а значит и правовые решения.

Правовые решения и подходы в правовых системах современности к регулированию и даже программированию новой технологической реальности как субстрата общественных отношений существенно различаются. Это видно на примере сопоставления европейской (право ЕС) и азиатской модели (Право Китая). Европейский союз и Китайская Народная Республика решают одну задачу, а именно задачу управления рисками технологического развития при сохранении

[1] См.: Collingridge D. The Social Control of Technology. London, 1980. P. 11.

условий для этого развития, но решают ее противоположными способами. Европейская модель является горизонтальной, риск-ориентированной и построенной на судебной защите прав, в то время как китайская модель является вертикальной, отраслевой и построенной на административном контроле с высокой скоростью корректировки. Различие состоит не в степени жесткости регулирования, как нередко предполагается, а в источнике легитимации вмешательства и в механизме обратной связи между регулятором и регулируемой средой. Российское право реализует собственную траекторию развития, не повторяя дословно зарубежные подходы и решения, продолжая находиться в парадигме азиатского способа производства. Тем не менее, передовой зарубежный опыт является эмпирической базой для российского законодательства и задача науки состоит в его правильном представлении. Передовой мировой опыт правового регулирования в технологическом обществе в его аналитическом представлении и осмыслении предполагает сочетание нескольких важнейших стратегий как векторов развития законодательства: 1. сохранение технологической нейтральности и применении общих институтов права через их толкование. Эта стратегия перестает работать, когда технология порождает риски, качественно отличные от прежних; 2. Предварительное разрешительное регулирование, при котором применение технологии допускается лишь после проверки. Казалось бы, эта стратегия обеспечивает контроль, но создает высокие барьеры и переносит на регулятора бремя оценки, которое он не всегда способен нести. 3. Реализация принципа предосторожности допускает принятие ограничительных и запретительных мер, когда существует научная определенность рисков; 4. Перенос регулирования на уровень технических стандартов, разрабатываемых специализированными организациями. Это означает развитие саморегулирования, но и отставание регуляторного воздействия. 5. Применение экспериментальных правовых режимов, допускающих временное изъятие из общего регулирования для апробации решений под наблюдением компетентного органа. Правовые системы современности не реализуют эти стратегии по принципу альтернативы, допуская сочетание и предполагая их разный удельный вес и тяготение в национальных системах прав в отдельности. За последнее десятилетие российское право и экономика перешли на новый цикл своего развития, впору говорить о становлении полноценной цифровой экономике и ее инфраструктуре. Разработаны и приняты программные документы стратегического развития (например, Указ

Президента РФ от 9.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030»; Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2027 №1632-р об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»). Очевидно, что нужна транслитерация этих положений на язык права, для чего все еще остается возможность, тем не менее только за последний год в российском законодательстве были приняты определяющие в сферах цифровой экономики и это касается цифровых платформ и искусственного интеллекта (Федеральный закон № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации; Федеральный закон от 31 июля 2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»). Уже только эти результаты законотворчества позволяют говорить о качественно новом этапе правового регулирования отношений по использованию и применению технологий в России. Предстоит долгосрочная работа по совершенствованию и настройке уже сформированного в российском правопорядке законодательного базиса технологического развития.

Предлагаемая вниманию читателя монография подготовлена как комплексное представление проблем понимания и использования искусственного интеллекта как технологии и объекта правового регулирования в канве общественных отношений, регулируемых правом. Автор выражает сердечную благодарность рецензентам – выдающим ученым России за внимание к работе. Их наставления, советы и критика помогли существенно улучшить работу, пересмотреть, казалось бы, сформировавшиеся убеждения и изложить некоторые из них в жанре дискуссии и полемики. Убежден, что именно междисциплинарный дискурс изучения и обсуждения роли технологий в жизни общества XXI века является ключом к эффективным и адекватным правовым решениям настоящего и будущего.

Доктор юридических наук, профессор РАН
С.А. Синицын
Август 2026 г.

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие и представления об искусственном интеллекте, которые могли бы претендовать на достоверность, только находятся в процессе своего формирования и складываются на базе обобщения данных точных и технических наук, непосредственно связанных с развитием новейших технологий. Уже только на этой точке пересечения наук возникает проблема разграничения сфер применения технологий, которые относятся к искусственному интеллекту, а не к иным высокотехнологичным достижениям и материальным проявлениям технического прогресса. Этот фактор является определяющим для категорирования технологий и подбора к их специфике адекватной базы регулирования общественных отношений, связанных с их использованием и применением.

Проблемы возникают и с формированием искусственного интеллекта как научного понятия и категории, которые могли бы претендовать на формальную определенность и устойчивость, не представляя собой метафоры или гиперболы, исключая хайп. Сложность возникает с целостностью и однозначностью восприятия искусственного интеллекта не только как такового, но и во взаимосвязи с иными понятиями, которые уже имеют значительный опыт становления и перспективы развития, что относимо, например, к машинному обучению, работе адаптивных систем управления[2] и т.д. Тем не менее сегодня в высших учебных заведениях открываются даже не магистратуры (МИФИ), а факультеты искусственного интеллекта (МГУ им. М.В. Ломоносова, Университет «Синергия»), эти начинания требуют глубокого осмысления, поднимая уже в новом значении университетский вопрос, позволяя открыть дискуссию о развитии высшей школы в России. Проблема видится в том, что открытие факультета, учебной или научной специальности по новой номенклатуре обусловлено достижениями и результативностью работы научных школ страны, а в отношении искусственного интеллекта конкретные и подтвержденные результаты и достижения, которые бы обладали качеством бесспорности и объяснимости,

[2] См.: Вопросы кибернетики. Проблемы теории и практики адаптивного управления / под ред. А.А. Вавилова. М., 1985. С. 88.

назвать непросто, чем и объясняется поставленный вопрос. Развитие науки и образования неразрывно. Уже значительное время российскими исследователями высказывались безосновательные идеи о создании новых наук «об интеллекте»[3] или «информациологии»[4] при изначальном отсутствии четких представлений об интеллекте и информации как их главных объектах. При таких условиях трудно ожидать результатов, которые могли бы решить актуальные проблемы развития человека и общества, обеспечив новый уровень знаний, технические прорывы, если не видеть в этом только маркетингового решения в сфере образования.

Для права и адекватного регулирования им общественных отношений с постоянно расширяющимися возможностями техники определяющей является мировоззренческая парадигма восприятия искусственного интеллекта в деятельности только человека. При этом нельзя игнорировать эволюционное представление об искусственном интеллекте, накопление знаний и развитие наук в этом направлении, отождествляющих с ним различные продукты человеческой деятельности от простейших на первых этапах эволюции человечества до последних достижений современной техники. Такая последовательность развития знаний подробно и иллюстративно показана[5]. Ею объяснимо, что для каждого этапа развития общества и навыков человека будут собственные представления о достижениях и результатах труда, в их неизбежных сравнениях с физическими способностями человека, очень условно соответствующими представлениям об ошеломляющих возможностях техники как истоках формирования знаний об искусственном интеллекте.

На разных этапах развития общественных отношений, никогда не существовавших вне правового регулирования с разной степенью воздействия на них, менялось представление о роли и возможностях использования постоянно совершенствовавшихся технологий, их роли в жизни общества и человека. В этой проекции возможно видеть отражение соотношения человеческой деятельности с окружающим миром (действительностью).

Общественное развитие и определяющая роль в нем самого человека исключают возможность отделения продуктов и результатов

[3] См.: Интеллектуальные процессы и их моделирование. Организация движения: сб. научн. трудов / отв. ред. А.В. Чернавский. М., 1991. С. 4.

[4] См.: Юзвишин И.И. Основы информациологии. М., 1996. С. 1-4.

[5] См.: Пиковер К. Искусственный интеллект. Иллюстрированная история: от автоматов до нейросетей. М., 2023.

человеческой деятельности от самих общественных отношений и далее делают надуманным представление и последующее противопоставление любых орудий труда самому человеку, как и любым формам его деятельности. Этим же объясняется противоестественность уподобления продуктов человеческой деятельности только наблюдаемым и до конца неизученным явлениям и процессам живой природы – эти объекты не образуют тождества и аналогии. Обратные тенденции и представления возможно наблюдать сегодня в дискуссиях о роли технологий в развитии общества.

Ни при каком уровне развития технологий даже при самых многообещающих прогнозах не усматривается оснований для поддержки выводов о полной автоматизации процессов производства и использования орудий труда[6] без решающего участия человека – квалифицированного специалиста, учитывающего не только полезность, но и безопасность внедрения новых продуктов техники, долгосрочные последствия воздействия «последнего слова техники» на общественные отношения. Развитие техники объективно меняет формы и состав общественного производства и не должно находиться вне правового регулирования, представляя собой диктат разработчиков технологий, не только безальтернативно навязывающих их использование в условиях массовой цифровой неграмотности населения, но и формирующих тем самым новый тип общества и его структуры, в котором привычным социальным коммуникациям людей (дружба, общение, любовь, социальные привязанности, связь с семьей и иными коллективами и т.д.) не остается места, и это ведет к перерождению общества и формированию в нем новых системных и структурных элементов или образований, что позволяет ставить вопрос о классовой борьбе, диктатуре, насилии уже в новом значении применительно к новой технологической реальности. Этот важный мировоззренческий срез понимания текущих процессов общественного развития в условиях нелинейного роста технологий объясняет, что любые отношения, связанные с производством и использованием любых продуктов техники, находятся в предмете правового регулирования, стимулируя в праве развитие рискологических и прогностических основ как стратегических направлений развития законодательства, понимаемого в значении не совокупности действующих юридических актов, а устойчивой системы реагирования и программирования развития общественных отношений.

[6] Ср.: Угурчиев О. О комплексной автоматизации. М., 1990. С. 6-7.

Важен акцент на том, что искусственный интеллект не является единственной движущей силой цифровой экономики, а представляет собой только одну из технологий искусственных интеллектуальных систем, и поэтому есть основания говорить о конвергенции технологий[7], но при этом трудно признать обоснованной саму идею цитируемых авторов о том, что «создание универсального искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой»[8]. Возникает вопрос о принципиальной возможности такой постановки проблемы и ее разрешения научными методами, а не фантастикой, не говоря уже о последствиях получаемого результата для развития общества и безопасности человека.

Современная наука уже вплотную подошла к необходимости опоры на риск-ориентированный подход при определении будущего искусственного интеллекта, в том числе и через право. Совершенно верно говорится об автоматизации капитализма и новых формах управления людьми, к которым все еще не подобрана правовая форма[9]. В различных условиях общественного развития капитализм принимает различные формы и образы. При поощрении развития искусственного интеллекта право все еще не опирается на риск-ориентированные и прогностические решения, возникают и остаются без ответа вопросы: какие последствия для людей как социальных существ и для общества в целом влечет беззаветная вера в могущество искусственного интеллекта, как ИИ меняет отношения между человеком и технологией и как следует оценивать эти изменения; что и кто определяет пути развития ИИ — с какими последствиями и для кого?[10] Разрешение этих вопросов требует комплексной оценки социальной реальности и конструктивного диалога разноотраслевых специалистов. Важнейшим императивом должна оставаться установка на то, что никакое усложнение технологий не может заместить неизменного и постоянно изменяющегося в содержании людского субстрата общественных отношений. При следовании этому принципу право должно определять роль и возможности

[7] Харитонова Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования. М., 2025. С. 24.

[8] Там же. С. 25.

[9] См.: Binswanger M. Die Verselbstständigung des Kapitalismus. Wie KI Menschen und Wirtschaft steuert und für mehr Bürokratie sorgt. Berlin, 2024. S. 3.

[10] См.: Heinlein M., Huchler N. Künstliche Intelligenz, Mensch und Gesellschaft Soziale Dynamiken und gesellschaftliche Folgen einer technologischen Innovation. Berlin, 2024. S. 19.

использования (применения) технологий, соизмеряя последствия и риски с прогнозами общественного развития. При принятии этого положения за основу любые попытки непосредственного восприятия искусственного интеллекта будут безосновательны и лишены всякого смысла. По этой причине могут считаться спорными и малообоснованными публицистические утверждения о том, что в перспективе человек и искусственный интеллект сольются воедино[11]. Масштаб включения в жизнь человека и общества технологий действительно грандиозен, и уже сейчас возможно говорить об общественной атрофии, при которой отмирают желания, стремления, перестраиваются ценности в обществе в его культурно-эволюционном измерении, одно из последствий которой – прогрессирующая обезличенность и зашкаливающий индивидуализм как основа нового этоса[12]. При этом общество продолжает оставаться неоднородным, а обозначенные условия его развития формируют практически неограниченные возможности эксплуатации и манипулирования. Эти процессы не могут позиционироваться как несвязанные с правом, в возможностях которого направить и скорректировать течение социальных процессов, устраняя их дефекты и негативные последствия. На проблему возможно взглянуть и с другого ракурса. Перед общественным сознанием встает выбор между ограничениями дальнейших разработок искусственного интеллекта и более извилистый, долгий путь через многоэтапную адаптацию отношения человека к технологиям, позволяя устанавливать правила не для искусственного интеллекта, а для поведения людей в обществе в части определения допустимой меры и сфер использования технологий[13]. И тот, и другой сценарий реализуются только через правовые решения. В условиях стремительного развития и повсеместного внедрения искусственного интеллекта возникает общая проблема воспитания и подготовки кадров разных специализаций для обеспечения главенства навыков и саморазвития квалифицированного специалиста над мощностями искусственного интеллекта как прикладной (вспомогательной) технологии. Эти вопросы также не могут решаться без адекватных и своевременных правовых решений.

Степень разработки вопросов искусственного интеллекта в точных, естественных и гуманитарных науках не совпадает, что ведет к умень-

[11] Бутл Р. Искусственный интеллект и экономика. Работа, богатство и благополучие в эпоху мыслящих машин. М., 2024. С. 392.

[12] Саден Э. Среди призраков. СПб., 2025. С. 2-21.

[13] См.: Филиппова С.Ю., Харитонова Ю.С., Щербак Н.В. Цифровые платформы: правовые и этические вызовы новой реальности. М., 2026. С. 11.

шению полезного эффекта общественных наук в обеспечении роста и развития общества. Право во многом остается инертным и не улавливает изменений, которые могли бы быть почерпнуты из знания в смежных науках. Достаточно указать на разработку концепций интеллектуальной экономики как завершающей фазы цифровой экономики, системного интеллекта[14]. Эти и другие данные могли бы служить основой вариативных подходов права. В последние годы в юридической науке без опоры на действительное состояние техники стало модно рассуждать о беспрецедентных возможностях искусственного интеллекта, тотальной автоматизации и вытеснении человека из основных сфер его деятельности, «смерти» профессий, всеобщей и необратимой автоматизации и цифровизации человеческой деятельности. Совсем недавно сообщалось о безнадежном устаревании самого права и взращивании новых принципов регулирования самой цифровой средой, которые бы не опирались на юрисдикцию, государственное принуждение. Эта направленность продолжает, а точнее копирует, подходы фантастов, которые имеют мало общего с реальностью и вызовами современности. Как и прежде, общество и его институты не могут самоустраниться от определения режимов использования и обработки информации, изменяющей жизнь человека и общества, создающей картины цифровой дискриминации и неравенства, как и массу связанных с этим злоупотреблений и правонарушений. Следует исключить саму анонсированную возможность появления бессчетных «приложений искусственного интеллекта, функционирующих неизвестным нам образом»[15], поскольку речь идет о конкретных сферах человеческой деятельности и приложении интересов человека, которые не могут причинять ущерб другим.

Уже высказаны предложения по содействию оптимальному использованию искусственного интеллекта в гуманитарной сфере в части вовлечения специалистов по информационным технологиям в создание репозитария доверенных решений искусственного интеллекта[16], но решение обозначенной проблемы видится в обязательном контроле и проверке любых вводимых в сферу публичного использования искусственных интеллектуальных систем на предмет проверяемости работы алгоритмов и прозрачности зон возможных рисков использования.

---

[14] См.: Клейнер Г.Б. Интеллектуальная экономика цифрового века // Экономика и математические методы. 2020. № 56/1. С. 53.

[15] Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д. Искусственный разум и новая эра человечества. М., 2022. С. 22.

[16] Аветисян А.И. Искусственный интеллект в гуманитарной сфере. Угрозы и возможности // Вестник Российской академии наук. 2024. № 7. С. 627.

Безмолвие права обоснованно задает не только массу остающихся без ответа вопросов о его смысле и назначении для общества, но и меняет представления о деятельности и труде, роли человека в общественном производстве, безосновательно сводит на нет функционал государства и права, являя пример отчуждения. Помимо технологической диктатуры и порабощения людей сохранение такого порядка вызовет дегенеративные последствия для развития человека, в том числе угнетение его когнитивных функций, еще больше укрепит утопичные прогнозы о мире и всемогуществе машин, создаст предпосылки для процветания новых форм цифрового рабства. Благодаря усердию популяризаторов науки, находящихся далеко от передовых научных разработок, впадающих в беспредметные и бесконечные теоретизирования, человек рискует превратиться в придаток технологий. Сторонники таких представлений никак не соизмеряют предлагаемые ими картины мировоззрения с будущими перспективами развития общества.

Нет никаких оснований игнорировать неоцененные риски бесконтрольного расширения сферы использования искусственного интеллекта для безопасности человека и сохранения траектории поступательного развития общества, где овладевание технологиями означает новые возможности в человеческой деятельности за счет реализации потенциала внутренних ресурсов его развития, а не за счет порабощения одних классов и страт общества другими, исчерпания природных ресурсов и богатств для максимизации прибыли крупных корпораций, использующих технологии. По этой причине недоумение вызывают утверждения о гиперболизированной опасности порабощения человечества искусственным интеллектом, подкрепленные математическими доказательствами[17], вопрос о достаточности и корректности которых, по крайней мере для автора этих строк, остается открытым. Роль права в определении сфер допустимого использования технологий в жизни общества не просто значима, а имеет ключевое и решающее значение для судьбы человека.

Примечательно, что рассуждения в стиле неоправданной абсолютизации возможностей искусственного интеллекта характерны для общественных наук, к сожалению, оторвавшихся в своих разработках от реального состояния развития и уровня техники, что само по себе обесценивает предлагаемые научной аудитории выводы и еще более обостряет вопрос об условном отнесении, в частности, права к наукам

[17] См.: Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2003. С.2 и далее.

вообще. В этом же видится слабость разработки методологии междисциплинарных исследований.

В отличие от гуманитарных наук точные и естественные науки используют термин «искусственный интеллект» в совершенно ином значении – как перспективно и нелинейно развивающийся цикл знаний о современных цифровых и вычислительных технологиях широкого спектра действия с функциями самообучения и самопрограммирования, автоматического управления системами принятия и реализации решений максимально широкого диапазона. Искусственный интеллект представляют как новое и перспективное направление научных разработок развивающейся вычислительной техники[18], как кибернетические исследования и разработки в области моделирования и автоматизации интеллектуальных систем[19]. На этой основе как предварительный итог разработки вычислительных технологий в конце XX в. российскими учеными был создан толковый словарь по искусственному интеллекту, призванный обобщить и объяснить контекст использования специальной терминологии[20]. Для специалиста в этих областях знания фантасмагоричны обсуждения вопросов о правосубъектности искусственного интеллекта и вообще о возможности сравнения потенциала и мощности любых технологий и породившего их человека. К сожалению, именно такая направленность получает все большее распространение в неоправе, неосоциологии и неофилософии как продуктах эпохи постмодерна. Вместе с тем именно философским мировоззрением возможно осмыслить глубину современных цивилизационных кризисов, проявляющихся в том числе в добровольном превознесении и преклонении перед могуществом машин. С этих позиций важно обсудить картину меняющегося мира и оценить роль технологий, несут ли они потенциал роста или разрушения, если это ведет к изменению поведения, отмиранию привычных социальных связей людей, использующих для этого преимущественно средства индивидуальной цифровой коммуникации. Все это позволяет считать перспективным рассмотрение искусственного интеллекта не только в образах права, но и социологии и философии. Зарубежной гуманитарной мысли хорошо известна теория искусственного интеллекта как разрушающей технологии (disruptive Technologie), как и ее критика,

[18] Реальность и прогнозы искусственного интеллекта: сб. статей. М., 1987. С. 6.

[19] Кибернетика и логика. Математико-логические аспекты становления идей кибернетики и развития вычислительной техники. М., 1978. С. 3.

[20] Толковый словарь по искусственному интеллекту // А.Н. Аверкин, М.Г. Гаазе-Рапопорт, Д.А. Поспелов. М., 1992.

озадачивает только данная характеристика того, что ранее отношения между машиной и человеком были четко отделимы от отношений между людьми, поскольку в современном мире эта грань заметно стерлась[21]. В современных условиях технологического прогресса активно развивается новое направление «цифровая социология», раздел которой специально изучает влияние на социальные явления искусственного интеллекта[22] как инструмента преображения, последовательность и причинность, логику социального взаимодействия, значение и конфигурацию самого социального действия.

Эти процессы нуждаются в объективном и взвешенном рассмотрении, исключая компанейщину и не основанные на реальности преувеличения.

Нечеткие контуры цифрового суверенитета и цифровой юрисдикции являются ничем иным, как точкой деградации суверенитета государства, замещения структур государственной власти диктатом лидеров цифрового рынка, искусно маскирующихся под маской самоорганизации и самоуправления электронного предпринимательства. Результатом этого является концентрация властных полномочий в руках бизнеса, господствующего и лидирующего в цифровой экономике, что ведет к разрушению правопорядка, правоохранительной деятельности, правовой системы вообще. Реальным вызовом всей системе государственного управления и публичной власти является временной разрыв между перманентно совершенствующимися технологиями чипирования масс людей как способа информационного насилия, манипуляций общественным сознанием и средствами оперативного правового реагирования, направленного на пресечение и предупреждение возникновения таких ситуаций.

С 2020 г. автор этих строк отстаивает и развивает понимание искусственного интеллекта исключительно как высокотехнологичного орудия труда человека и объекта правового регулирования, подчеркивая адаптивные свойства права в освоении обществом новейших технологий, исключая саму возможность выпадения любой сферы общественных отношений по использованию технологии из предмета правового регулирования[23].

---

[21] Kovács L. Künstliche Intelligenz und menschliche Gesellschaft. Berlin, 2023. S. 4.

[22] См.: Soziologie der Künstlichen Intelligenz. Perspektiven der Relationalen Soziologie und Netzwerkforschung / hsg. R. Häußling, C. Härpfer, M. Schmitt.

[23] См.: Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. М., 2021.

Сама возможность разделения интеллекта как неотъемлемого психофизиологического свойства живого организма на искусственный и естественный противоестественна, как и возможность выделения «систем гибридного интеллекта»[24]. Эти положения являются базовыми для правового регулирования, и ими руководствуется автор. Распространение идей о взаимодействии искусственного и естественного интеллекта развито и в зарубежной литературе. Их сторонники и авторы заняты фантасмагоричной прогностикой картин будущего[25], забывая о том, что и в современном мире человек продолжает оставаться мерой всех вещей, и если возможно описать его власть над любым объектом в любой проекции права, экономики, социологии и физики, то это невозможно и противоестественно для построения отношений между человеком и объектом его труда по образцу и подобию отношений между лицами.

К идеям революций в праве в связи с появлением технологий нового поколения необходимо подходить обстоятельно и предметно, преимущественно с позиций критики. Сторонники перемен, нетерпимые к сохранению институтов государства и права в цифровых коммуникациях при весьма спорной идее о возможности возникновения цифрового общества, до сих пор не обозначили точек роста новых ценностей, намечающих сценарии преодоления сегодняшних вызовов для жизни будущих поколений и необходимых для перехода к новым стратегиям цивилизационного развития человечества, государства, общества, которые могли бы означать действительные, а не привнесенно-спекулятивные качественные преобразования общественной жизни и порядка[26]. Практически не обсуждаются вопросы правовой реакции на принуждения, манипуляции поведением в цифровой среде, как и сама проблема присвоения и концентрации власти по управлению цифровым пространством бизнес-элитами как новыми адептами власти и управления.

На освещении этих важнейших аспектов понимания краеугольных вопросов мировоззрения и мироустройства в новой технологической реальности не раз останавливался автор предлагаемого вниманию читателя исследования как на предтече нового правового регулирования, считая их основополагающими для права.

---

[24] Противоположную точку зрения см.: Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта. М., 2019.

[25] См.: Zusammenwirken von natürlicher und künstlicher Intelligenz / hsg. R. Haux, K. Gahl, M. Jipp, R. Kruse, O. Richter. Wien, 2022. S. V.

[26] Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018. С. 27.

Понимание действительного, а не надуманного состояния развития техники означает ясность восприятия состояния и уровня развития самих общественных отношений как объекта правового регулирования. То есть без проникновения за пределы правовой догматики к точным и естественным наукам о новейших технологиях, конструктивного диалога специалистов, понимающих ресурсы технологий и их влияние на окружающий мир, построение адекватного правового регулирования невозможно, иной путь ведет к утопии и замещению права диктатом воли и интересов экономики платформ, данных и т.д.

Без уяснения этой основы решительно невозможно эффективное правовое регулирование, в действительности не существующее в отрыве от реального состояния техники. Однако в юридической литературе преобладает иной ракурс понимания проблем современности и осознания роли новейшей техники в жизни грядущих поколений. При дальнейшем развитии этого сценария общественные науки еще более отдалятся от реальности, становясь уязвимыми для обоснованной критики.

Юридический язык и мировоззрение не могут претендовать на лидерство в гуманитарных науках, разрешая проблемы правоведения. Иное наблюдается в юридическом сообществе.

В век цифровых технологий ученые-юристы рассказывают об изменении не только юридической профессии, но и содержания права, а также самой правоприменительной деятельности[27]. Общим здесь является игнорирование определяющей роли человека и необоснованное возвеличивание роли техники, взятой в отрыве от общественных отношений, что само по себе составляет ошибку.

Абсолютизация техники и ее возможностей в жизни общества создает новую почву беспредметной дискуссии о новом типе существования человека и цивилизации в мире природы. В этом направлении ценны не только новейшие, но и незаслуженно забытые разработки ученых РАН. Совершенно верно восприятие человечества с момента его зарождения и на всех последующих этапах развития определено глобальной структурой, ответственной за судьбу поколений и установление границ использования постоянно совершенствующихся технологий[28]. И в этом смысле право как продукт и результат человеческой деятельности определяет возможности использования и применения конкретных технологий в жизни общества, которое является

[27] Wagner G. Algorithmisierte Rechtsdurchsetzung // AcP 2022. Bd. 222. H. 1. S.102.

[28] См.: Капица С.П. Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество. М., 2024. С. 102.

управляемым, когда человек – «единственный субъект управления в любых управленческих системах – технико-технологических (производственных), организационных (административных), социально-политических и одновременно он же творец, источник, пользователь информации»[29]. Вовлечение информационного массива автоматизированной генерации в сферу управления и социальных коммуникаций не может иметь стихийного характера, требуется формирование автоматизированных систем мониторинга, фильтрации и преобразования соответствующих информационных массивов. Применительно к совершенно иному и уже пройденному человечеством уровню развития техники проблема ставилась учеными[30], но в итоге так и не была разрешена с подбором необходимого юридического инструментария. Уже на тот период выделялись этапы и стадии автоматизации информационных процессов и систем обработки и накопления информации с их сопряженностью с работой всех иных процессов администрирования и управления, а функция человека определялась «выбором и принятием решения, разработкой программ и контролем за состоянием работы механизмов»[31]. Эти важнейшие положения актуальны и сегодня. Учитывая важность информационного сообщения и потоков информации, соответствующий сегмент деятельности как стратегически важный для администрирования, правоохранительной деятельности должен быть урегулирован и детализирован правом – это важная составляющая и предмет правового регулирования. Для правовой прогностики и диагностики важно культурологическое осмысление текущего этапа технологического развития общества – культура должна восприниматься как «фактор национальной безопасности», являясь средством возрождения общества[32], а в эпоху глобализма важно фильтровать и контролировать представление информации в глобальной сети «Интернет»[33], что само по себе предполагает разработку специальных правовых мер и механизмов.

[29] Афанасьев В.Г. Человек, общество, управление, информация. Опыт системного подхода. М., 2023. С. 202.

[30] См.: Глушков В.М. Научно-технический прогресс в области управления // Тезисы докладов Второй всесоюзной научно-технической конференции «Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью. М., 1972. С. 142.

[31] Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 2024. С. 180.

[32] Запесоцкий А.С. Культурологическое осмысление актуальных проблем современности. М., 2019. С. 255.

[33] Пиотровский М. Мосты культуры. М., 2019. С. 594.

Для восстановления реальной картины мира в правовом измерении и уяснения в ней места и роли человека объективация знания им методологии требуется и в юридической науке. От права зависит очень многое: выборка и закрепление адаптивных правовых режимов использования и разработки технологий, определение их доступности и круга сфер применения в перспективе развития человека и общества. Право пока безучастно к реальным вызовам и угрозам существования общества и цивилизации, хотя ее выживание во многом зависит именно от права. Открытые и неограниченные возможности использования технологий с устрашающим вредоносным эффектом в киберпространстве при отсутствии границ и механизмов обеспечения цифрового суверенитета и цифровой юрисдикции – вот негативные последствия отставания права. Затянувшееся молчание права вызывает восклицание у экспертов, отмечающих неизбежность передачи бизнесу продвинутого искусственного интеллекта – «злоупотребления им как оружием, способным реализовать беспрецедентные формы мошенничества, управления и порабощения людей, будут способны поспорить по вредоносным последствиям со всеми терактами в истории человечества[34].

Юристы всего мира озадачены поиском новых функций и роли права в новой технологической парадигме развития общества. Смена картин реальности и описание будущего права должны быть реалистичны, опираться на адаптационный потенциал и созидающую силу права. Научно обоснованные рациональные методы юридического анализа, прогнозирования позволяют избежать принятия футуристических, фантазийных оценок в формировании будущего облика общества новой цифровой реальности, места и роли права в нем. Следует помнить, что право инертно и изменяется эволюционно и последовательно навстречу изменениям социальной реальности, независимо от их масштаба. Промедления в выстраивании новой парадигмы права в цифровой реальности опасны и чреваты новыми массовыми нарушениями прав человека.

Уже на этапе нелинейного роста технологий и их неконтролируемого проникновения в жизнь человека соответствующие сферы отношений не были урегулированы правом, позволяя гигантам новых цифровых рынков хищнически навязывать человеку и обществу выгодную им модель общественного развития, в которой не было бы цифровой юрисдикции и суверенитета государства.

[34] См.: Баррат Д. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М., 2021. С. 383.

На сегодняшний день повсеместное и неограниченное включение искусственного интеллекта в сферы государственного управления, политических технологий, социальных связей и коммуникаций, экономики и экологии – объективная данность, в которой право должно сохранить регулятивные и созидательные функции в регулировании общественных отношений. Это означает формирование качественно нового правового обеспечения использования и разработки новейших технологий, критически важных для выживания конкретного человека и общества в целом. Актуализируется гуманистическая миссия права в ответ на технологические вызовы и испытания, ставящиеся техническим прогрессом перед цивилизацией. Верно замечено, что человек не прибывает в будущее, а создает его[35]. Роль права не только не становится меньше, но возрастает в нейтрализации угроз и факторов негативного воздействия технологий на человека–общество–природу.

Нельзя согласиться с противопоставлением алгоритмического и нормативного управления и регулирования[36], и особенно с наукообразными, малополезными и неточными выводами об алгоритмизации права. Это недопустимо не только в отраслевых юридических науках, но и в общей теории права. По меньшей мере требуется различать вспомогательную автоматизацию отдельных сфер правоприменения и суть права как системы координат регулирования общественных отношений, требующей для обеспечения справедливости и гуманности тонкой настройки и постоянной поправки на общечеловеческие ценности как необходимого и ожидаемого результата правового воздействия.

Для дальнейшего комплексного исследования и изучения проблемы с перспективой поиска эффективных решений законодателя важно понять, так ли автономны от деятельности и интересов человека системы алгоритмического управления и искусственного интеллекта, на каких принципах основана их работа и системой каких ценностей определяются формируемые ими машинные решения, оказывающие непосредственное влияние не на мир техники, а на общество и конкретного человека. Именно право должно определить режимы разработки, использования и оборота технологий, обеспечить технологическую нейтральность и недискриминацию во всех сферах деятельности человека. Появляется потребность формирования новых

[35] См.: Батурин Ю.М. От Интернета до Виртуальной земли и метавселенной (краткая история информационных технологий на критическом рубеже. М., 2022. С. 6.

[36] Ср.: Bellen A., Dambly P. (R)Évolution de L'intelligence Artificielle. Vers un cadre juridique et technique de I'LA. Paris, 2023. P. 19.

мер гарантий для технологически слабой стороны в правоотношении. На макроуровне формируются новые сферы контроля, запретов, ограничений разработки и применения технологий. Едва ли возможно ограничиться локальными решениями отдельных юрисдикций, требуется определение контуров регулирования отношений с использованием искусственного интеллекта в международном праве. Всему этому должно предшествовать рассмотрение искусственного интеллекта в междисциплинарном дискурсе и именно в этом направлении автор полагает возможным сосредоточить свои усилия.

На текущий момент не только между отдельными учеными, но и уже в масштабе диалога российских научных юридических школ последовательно складывается дискуссия по проблемам права и искусственного интеллекта. Настал новый этап и уровень исследовательской и поисковой работы, в котором ведущую роль играют голоса не отдельных высококвалифицированных специалистов-отраслевиков, а их организованных коллективов, рассматривающих проблемы правового регулирования в межотраслевом аспекте, находя взаимосвязи в предметных сферах правового регулирования между отраслями гражданского, административного, финансового, уголовного, трудового права, предлагая скоординированные решения и представления в праве[37]. Однако и этого для формирования права нового поколения недостаточно, поскольку обособленные дискуссии в среде отраслевых специалистов часто не только не заканчиваются выводами, рекомендациями или предложениями[38], но и ограничиваются собственным отраслевым пониманием по своей природе неоднородной проблемы формирования общественных отношений, для решения которой требуется комплексный подход. Вопрос об определении правовых координат для искусственного интеллекта при объективном изменении способа общественного производства в современном типе общества все-таки вторичен и зависим от корректного восприятия правом новой технологической реальности. Формирование нового правового поля невозможно без достоверного понимания искусственного интеллекта как объекта правового регулирования. Во многом это мировоззренческая проблема развития современного общества, в ее обсуждении должны участвовать специалисты тех отраслей, в которых искусст-

[37] См.: Искусственный интеллект: регуляторные вызовы и правовые решения / отв. ред. С.А. Синицын, П.П. Кабытов. М., 2026. С. 15-16.

[38] Ср.: Künstliche Intelligenz Wie gelingt eine vertrauenswürdige Verwendung in Deutschland und Europa? // Hsg. Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, nukleare Sicherheit und Verbraucherschutz, F. Rostalski. Tübingen, 2022.

венный интеллект реально применяется и используется и в которых уже может быть намечена роль права в управлении рисками, формировании правил обязательного поведения для предотвращения не только отдельных правонарушений, но и гуманитарной катастрофы для жизни планеты и будущих поколений. Сферы применения, использования, разработки технологий должны быть управляемы и опираться на нормативную основу. Сообразно этому право, в известном смысле программируя отдельные траектории общественного развития, должно определить границы и сферы использования конкретных технологий в соизмерении с интересами выживаемости общества и безопасности человека, быть полезным для жизни среднестатистического человека при сохранении его права на приватность и невмешательство в частную жизнь. Вполне возможно говорить об отягчении юридической ответственности при использовании искусственного интеллекта, повышенных требованиях и зоне ответственности производителей и обучающих новейшие технологии, установлении требований использования сгенерированного контента во всех сферах деятельности (государственное управление, медицина, образование, наука, право). Совершенно верно указано на недопустимость свободного применения сгенерированных данных и на сохранение правового вакуума обработки искусственным интеллектом любых данных без определения юридических последствий для авторов соответствующих поисковых запросов и последующих пользователей соответствующего контента[39] (на поверхности лежат вопросы кибербезопасности, защиты персональных данных за счет адекватной ответственности цифровых платформ за их утечку, определения прав владельцев результатов интеллектуальной деятельности (РИДов) при генерации нового цифрового контента и т.д.). Перспективно включение юридических школ в междисциплинарный дискурс обсуждения проблематики искусственного интеллекта для нахождения оптимальных сценариев общественного развития. Одной из инициатив в этом направлении является представление читателю настоящего исследования, в котором автор попытался на основе своих многолетних разработок соединить основы знаний об искусственном интеллекте и наметить возможные варианты правового регулирования изменившихся общественных отношений, в которых сегодня искусственно создана сози-

[39] См.: Gethmann C.F., Buxmann P., Distelrath J., Humm B.G., Lingner S., Nitsch V., Schmidt J.C., Spiecker I. Künstliche Intelligenz in der Forschung. Neue Möglichkeiten und Herausforderungen für die Wissenschaft. Berlin, 2022. S. 168.

дающая роль не для человека, а для машины, притом что невозможно говорить об особой воле, интересе, ответственности искусственного интеллекта, отталкиваясь при этом от человека. То есть роль права связывается с определением параметров дозволенного и недозволенного поведения в новых условиях технологического развития общества с акцентом на то, что наречение любых происходящих изменений сменами технологических укладов, бесконечными техническими революциями будет всегда неточно, имея чаще всего экономическую мотивацию в признании действующего правового регулирования устаревшим и его замещении правилами платформ, алгоритмами и т.д. Иное понимание игнорирует исторически доказанную эволюционную способность права по мере общественного развития. Нельзя согласиться с утверждениями о том, что юристы будущего обязательно должны соответствовать новым стандартам профессии, имея необходимый уровень технических знаний, определяя каждый раз при оценке предложений об изменении законодательства, что технически возможно, а что нет[40]. Юрист должен сохранять свою специализацию и при этом опираться на достоверные знания и опыт технических наук, привлекая при необходимости квалифицированных специалистов в соответствующих сферах, но не заменяя их. Ложны отстаиваемые не только в российских, но и зарубежных исследованиях выводы о синергии человека, технологий, растений и животных в картине мира и общества будущего[41], поскольку принятие этого подхода заставит наделить животных, растения и технологии какими бы то ни было правами, а это невозможно в общественных отношениях, возникающих исключительно между людьми и по поводу отдельных объектов внешнего мира, сотворенных как трудом человека, так и природой.

Достоверность знаний об объекте правового регулирования, полученная в диалоге юристов и отраслевых специалистов, является необходимым условием эффективности законодательства. Дискуссионной видится апробация новых методологических подходов, основанных на «импортировании в право технических знаний через современный

[40] См.: Konertz R., Schönhof R. Das technische Phänomen „Künstliche Intelligenz“ im allgemeinen Zivilrecht. Eine kritische Betrachtung im Lichte von Autonomie, Determinismus und Vorhersehbarkeit. Baden-Baden, 2020. S. 135.

[41] См.: Zusammenwirken von natürlicher und künstlicher Intelligenz // Hsg. R. Haux, K. Gahl, M. Jipp, R. Kruse, O. Richter. Wiesbaden, 2021. S. V.

уровень развития»[42], задача права как раз не в повторении и не в воспроизведении технических знаний и опыта в нормах права без регулятивного воздействия на общественные отношения, а в выработке на его основе правил поведения в обществе. Совершенно верно указано на то, что принятие любого автоматизированного административного решения невозможно без контроля и проверки квалифицированным специалистом-человеком[43], но важна еще и обеспеченная законом недопустимость любых форм непроверяемого использования полученных в результате автоматизированного способа обработки информации данных в административной деятельности как оснований для принятия любых административных решений (например, оценка эффективности государственных служащих, выявление мнения населения по вопросам обеспечения жизнедеятельности граждан на федеральном, региональном и местном уровнях и т.д.). Все это показывает невозможность автоматизации административной деятельности и права.

Таково в самом общем виде представление истоков и концептуальной основы правового регулирования отношений, осложненных использованием и применением новейших технологий как основы общественного производства нового типа общества.

[42] См.: Blöcher J.R. Regulierung trotz Nichtwissen Epistemisches Vertrauen als Handlungsressource und Methode im Recht. Tübingen, 2023. S. 486.

[43] См.: Kreyßing R. Verwaltungsentscheidungen durch Künstliche Intelligenz Implikationen und verwaltungsrechtliche Rahmenbedingungen. Wiesbaden, 2025. S. 453.